Про Чурилу

Ай-я выпадала-де пороша снегу белого,
Ай-я не во́ пору, во пору́ да не во́времё,
Ай-я серёдки-де лета — да о Петрова дне.
Ай-я по той-де по порохе да по белу́ снежку́,
Ай-я не сер горносталь да тут пропрядывал,
Ай-я не белый-де заюшко а проскакивал —
Проезжял тут-де Чурило да младо Плёнкович
Ай-я ко тому-де Перметé да к молодой жоне.
Перметы́-де-ко дома не случилося,
Он ушёл-де служить да во божью́ церковь,
Он служить-де [обедню] воскресеньскую.
Ай-я спускал-де е Чурило коня да в зелены́ луга́,
Заходил на крылечико е тесовое,
Ан стучал-де, гремел да в золото́ кольцо́.
Выходила тут Настасья дочь Калашница
Во одной тонкой е рубашечки без поеса,
Во одных тонких чулочиках без башмачиков.
Ай брала кабы Чурилу за белы́ руки́,
Ай вела кабы его да во теплу́ спальню.
Кабы зажил Чурилка да по-домашному:
Он пухов-де колпак да клал на грядочку,
Ай-я перчатки барановы [да] на поли́чику,
Он и шёлков кушак вешал на спи́чику,
Зелён-де кафтан вешал на спи́чику,
Ай-я сапожки сафьяновые а под лавочку,
Он и лежился на кроваточку о тешовую,
Ай-я на те-де на перины да пуховые,
Ай-я на те-де на подушки на шелко́вые,
Ай-я под то-де од’яло под соболиное,
Ай-я с тоё-де со Настасьей дочь Калашницой.
Ай-я была-де у их тут, право, служаночка.
Говорит-де служаночка да таково́ слово́:
«Уж ты гой еси, Чурило да младо Плёнкович!
Ай-я ты не парь-де кишку а да во чужо́м горшку.
Я пойду-де схожу дак Перметы́ скажу,

Перьметы́-де скажу, право, о нажалуюсь».
Говорит-де ей Чурило да младо Плёнкович:
«Ох ты гой еси, девушка-чернавушка!
Не ходи ты да, право, не сказывай,
Я куплю тебе в косу да, право, ленточку,
Заплачу я а за ленту рублей двенадцети».
Ай-я на то кабы девка не соглашаетцэ:
«Я пойду-де схожу да Перметы́ скажу».
Говорит ей Чурило младо Плёнкович:
«Я куплю тебе на головушку шёлко́в платок,
Заплачу я за платок двадцеть пять рублей».
Ай-е на то кабы девка не соглашаетцэ:
«Ай-я пойду, право, схожу Перметы́ скажу».
Говорит Чурило да таково́ слово́:
[«Не ходи ты, право, не сказывай,]
Я куплю тебе шубейку да соболиную,
Заплачу за шубейку да пятьдесят рублей».
Ай-я на то кабы девка не соглашаитцэ,
А пошла-де ёна тут во божью́ церьковь.
Ай-я тут служил Перметá-де обедню да воскресеньскую,
Он стоял, Перметá, на правом крылосе.
Подходила она к ему да со прáва плеча,
Говорила тут она ему да таковы́ словá:
«Ох ты гой еси, да Перметá дак сын Иванович!
Уж ты молишься, право, спасаешься,
Над собой-де невзгодушку не ведаешь —
Как у нас кабы в доме да не по-старому:
Заскочил кабы в сады, право, чу́жой конь,
Он стоптал-де пшеницу да белоярову».
Ай-я на то-де Пермета да был догадливой,
Он накидывал да шубейку-де на одно плечо́,
Он бежал-де скорей на улицу,
Он бежал во свой, право, высок терем,
Заходил он на крылечико тесовое,
Стучал да гремел в золото́ кольцо́.
Выходила тут Настасья да дочь Калашница,
Заводила-де его дак во теплу́ спальню́,
Говорит ей Перметá дак таковы́ словá:
«Ох ты ґой еси, Настасья дочь Калашница!

У нас чей-де в сада́х, право, чу́жой там конь?
Это чей-де колпак лежит на грядочке?
Это чей-де кафтан висит на спи́чике?
Это чей-де е кушак ве́сит на спи́чике?
Это чьи-де е перчаточки на полочки?
Это чьи-де е сапожочки под лавицой?»
Говорит-де Настасья да дочь Калашница:
«Я была-де во городе во Киеве,
Я видала там купцов, людей торговыих,
Они носят кабы едакую да одежду там —
Я купила-де для вас всю одежду же,
Кабы ездить вам во божью́ церковь».
На то-де Пермета да был догадливый,
Он раскидывал зановесь шелко́вую,
Он [раскидывал] одеяло да соболиноё —
Как лежал-де Чурило в одних подштаниках.
Он хватал-де Чурилу да за желты́ кудри́,
Он вытаскивал Чурилу да на серёдку пол,
[Он вытаскивал Чурилу] да вон на улицу,
Привезал да ко хвосту да лошадиному,
Пускал-де коня до во чисто́ поле —
Растаскал да кабы конь по чисту́ полю́.
Заходил тут Перметá да во теплу́ спальню́,
Говорит-де своей, право, да молодой жене:
«Ох ты гой еси, Настасья дочь Калашница!
Ай-я чего тебя да ещо надобно?»
Ай-я на то ему Настасья ответ держи́т:
«Ай-я куда полетел дак млад есе́н соко́л,
Ай-я туда-де лети́ вот бела лебедь».
Он вытаскивал ей дак вон на улецу,
Бросил её да во чисто́ полё,
На одну ногу ступил, да другу оторвал.
Ай-я служаночку взял да за себя взаму́ж.

(Зап. Астаховой А. М.: 5 июля 1929 г., сел. Усть-Цильма — от Носова Ивана Григорьевича, 40 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.